

НЕУГАСИМЫЙ СВЕТОЧЬ

Не помню, когда впервые познакомился со стихами Шевченко; не помню, когда впервые увидел его картины и когда заучил стихи его наизусть. Ничего этого не помню, потому что «Кобзарь» относится к понятию чтения точно так же, как понятие материнского молока к слову «пища». Но все-таки это и чтение. Слова Н. Г. Чернышевского: «Имея такого поэта, как Шевченко, малорусская литература также не нуждается ни в чьей благосклонности» — очень убедительны до сего дня, потому что, выносив в себе Шевченко, созрев дно него, украинская поэзия естественно вошла в круг великих мировых литератур и навсегда обозначена в этом круге им, Шевченко.

Что можно сказать о нем? Кажется, что все уже сказано и написано, а всякий раз, размышляя о величии этого человека, ощущаешь сконченность и постоянную необходимость его уроков. Само ощущение Родины принимает в себя такие жизни, прорастающие сквозь благодатную почву искусства в безграничности народного бытия: Руставели, Пушкин, Шевченко, Лев Толстой... Кто мы без них?

Снова и снова перелистываю единственную его книгу, тщаясь памятью жизнь его, дела, пла-ны, даже само имя его...

У Шевченко собственно два совершенно равноправных имени. Кобзарь — так звали странствующих народных певцов, и так он нарек свою книгу стихотворений и позм. Это имя от корня, от традиции — в кобзари некогда уходили израненные воины, которые уже не могли сражаться мечом, но оставались в битве. Второе, данное при рождении, имя Тарас тоже известно всему миру на равных с самыми великими именами; этимологически оно происходит от «бунтаря, беспокойный...» Шевченко недвусмыслен во всем. Очень убедительно сказал о нем А. В. Лунарский в своем докладе, прочитанном за шесть лет до Белого Октября: «Велик Шевченко, как национальный украинский поэт, но еще более великий он, как поэт народный. И всего более он велик, как поэт глубоко революционный и, по духу своему, социалистический».

Ощущение социалистического Отечества органично приносит слова и уроки Кобзаря в свою сущность. Мы вспоминаем его ближайших друзей и соратников — они тоже предтечи нашего мира, нашей культуры. Перецислю, к примеру, лишь некоторых из тех, кто был с Шевченко в последние месяцы его жизни и провожал Кобзаря в последний путь: Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. С. Лесков, Н. Г. Помазловский, Н. С. Курочкин, М. Л. Михайлов...

Народность Шевченко всегда была связана с его желанием ощутить главные из народных забот и приложить все силы к тому, чтобы добавить света, ума, благополучия тем, кто лишен всего этого, как сам он был лишен в детстве даже преблесков радости.

Жизнь эта начиналась в крепостном рабстве, темноте, голоде; заканчивал он ее как один из самых ответственных и причастных к идеалам свободы тружеников мыслителей современной ему Европы.

Чистота его замыслов удивительна. В 1860 году Шевченко, уже тяжело больной, создает «Букварь южнорусский». В Петербурге, в императорской Академии художеств его за год до смерти наконец удостаиваются звания академика-гравера. А он, академик из черни, пишет букварь. Жизнь, начавшаяся с того, что крепостной, нищий украинский подпасок, обучился грамоте вопреки всей неволе и темноте, царившим в окружающем мире, завершается со ставлением букваря для тех, кому жить завтра. Он стал грамотен и научился рисовать — вопреки; он освободился от крепостной зависимости — вопреки; он написал «Кобзаря» — вопреки; он стал ака-

демиком... Когда в 5 часов утра 10 марта 1861 года сердце Тараса Шевченко остановилось, жизнь слов, написанных им, жизнь его картин, офортов, легенда о Кобзаре ушли в бессмертие.

При жизни он испытал множество муки, включая одну из самых лютых — царем утверж-

по-русски; он великолепный мастер и русского слова — за исключением нескольких украйинизмов, вроде «так само» в цитируемом отрывке, его русский язык и стилистика идеальны). «Если бы красота во всех ее образах хотя бы на половину человечества имела свое благодетельное влияние, тогда

и всякий раз, перечитывая Шевченко, диву даешься, заглядывая в его бездны.

Он интеллигент, да еще и какой: не любящий, когда его представляют этаким мужиком, знающим цену мудрости, гордый тем, что может возвышать свой народ до уровня высочайших вершин мирового знания. На деревенском сходе он свой, но и среди ярчайших представителей столичной интелигенции он — из самых за-метных.

Разговор о Кобзаре — это и размыщение о взыскательности, о недопустимости двурушничества, о позоре предательства. Шевченко, повторяю, определен во всех отношениях, в том числе классово. И не случайно, что одним из первых памятников деятелям культуры после революции ленинским декретом был намечен к установке памятник Тарасу Шевченко. Не случайно в скульптурное изображение Шевченко стреляли в Киеве времена гражданской войны деникинцы, а в Каневе времен Великой Отечественной — гитлеровцы...

У Александра Довженко в фильме «Арсенал» есть саркастический эпизод о том, как Кобзарь хотят приспособить к защите лжи. Националисты разжигают лампаду перед портретом Шевченко, висящим, будто икона, в углу, угодничая перед ним. Но губы у нарисованного Кобзаря зашевелились, и он плюет во вражескую лампаду. Шевченко неумолим и беспомощен.

Когда франкисты разожгли в Испании огонь гражданской войны, против них сплотились интернациональные антифашистские бригады. Одно из самых непримиримых в бою республиканских подразделений звалось батальоном имени Тараса Шевченко. В годы Великой Отечественной Кобзарь изображался на плакатах, зовущих к отмщению оккупантам; после Победы, в трудные годы возрождения, можно было часто видеть плакат со словами: «И на обновленной земле врага не будет супостата; а будет сын, будет мать и люди будут на земле». Это также его, Тараса Шевченко, строки...

Запись истории литературы рождала очень немного — считанные единицы — таких рыцарей без страха и упрека, мыслителей, столь определенных в каждом из поступков и слов своих. Впрочем, прав ли я, сказав «литература рождала»? До чего же ненатужно народен был он! Здесь и не пахло тем, что самым писательским прилежанием, созерцательным народолюбием, которым декоративно изнывают иные из представителей литературного цеха во все времена. Шевченко был народом; он не отделен от народной судьбы ни в одной жизненной подробности, ему никогда не бывало благополучнее, чем тем людям, за чье благополучие он боролся. Кредо, некогда сформулированное в позме «Гризна», имело непосредственное отношение к самому творцу:

...Через много лет после смерти Кобзаря полиция ищет в его могиле спрятанное оружие: самое настоящее, не метафорическое — сабли, ножи. А его оружием — непод败имым, мощным — оставались великие мысли, слова, впитавшиеся в человеческие души.

За всю историю литературы рождала очень немного — считанные единицы — таких рыцарей без страха и упрека, мыслителей, столь определенных в каждом из поступков и слов своих. Впрочем, прав ли я, сказав «литература рождала»? До чего же ненатужно народен был он! Здесь и не пахло тем, что самым писательским прилежанием, созерцательным народолюбием, которым декоративно изнывают иные из представителей литературного цеха во все времена. Шевченко был народом; он не отделен от народной судьбы ни в одной жизненной подробности, ему никогда не бывало благополучнее, чем тем людям, за чье благополучие он боролся. Кредо, некогда сформулированное в позме «Гризна», имело непосредственное отношение к самому творцу:

**Без малодушной укоризны
Пройти мытарство трудной
жизни,
Измерить пропасти страстей,
Понять на деле жизнь
людей,
Прочесть все черные
страницы,
Все беззаконные дела..
И сохранить полет орла
И сердце чистой голубицы!
Се человек!**

Евангельское «Се человек!» произносится им, богоборцем и правдоискателем, с требовательностью и восхищением. Не согнутый и тем более не сломленный унижениями, мукой, Шевченко знал, к чему стремится, что отстаивает.

О нем нельзя говорить с умилением. Ничего похожего на всепрощение Шевченко не исповедовал никогда; он знал, что даже отмившему не всегда становится легче, но тех, кто безроптен, он никогда не возводил на пьедесталы. Если уж народное восстание, то такое, как в «Гайдамаках», если бунт против церкви, то такой, как в «Еретике», если месть, то как в поэме «Варнан». Страсти воинству шекспировского масштаба; все — потрясающее, все — в глубину. Он прост великой простотой гения, Шевченко

матическая сила влияния!..

Это ведь один только пример. Существует целая литература о Шевченко, в которой на десятках языков мира анализируются великие произведения Кобзаря, бесконечность его веры в счастливое будущее человечества и в то, что угнетатели будут в конечном счете устранены из жизни народным восстанием навсегда. В эпоху, когда революции, провидев их, принимали кару за свой призыв и до последнего вздоха хранили верность великой идеи народовластия. Он ждал всенародного бунта, был готов к нему; в «Завещании», формулируя величайшую мечту свою, наказывал: «Похороните и вставайте, кандалы порвите!»

Он был поэтом вражды — социальной, классовой. Он был непримирим, как пчела, — готов был погибнуть, жала, но неуклонялся от встречи с противником, от взгляда в глаза ему — того самого взгляда, который при аресте 1847 года поражал даже опытнейших жандармов, страшил их.

Но еще в большей, в неизмеримо большей степени был он поэтом дружбы. Рядом с призывом к восстанию в «Завещании» сформулирована мечта о справедливом мире: «И меня в семье великой, семье вольной, новой...» Он хорошо знал, что люди и народы в одиночестве гибнут; его самого множеством раз пытались обречь на необитаемые острова. Завтрашнее человечество представлялось ему именно семьей: вольной, новой. Если начать цитировать высказывания Тараса Шевченко о величии, красоте, уме представителей самых разных народов, антология будет огромна. Как он заступал за честь поруганного Кавказа! Любил негритянского трагика Айру Одрилжа и великого русского актера Щепкина, воспевал детей-киргизов, плакал над угнетенной царизмом Украиной так же, как над униженной самодержцами Россией. В то же время радовался красоте и достоинству народным, как надежде, как признанию того, что гений будет окружшен всенепременно.

Говоря по-современному, он величайший интернационалист, Тарас Шевченко. Он предтеча нашего интернационализма. А если говорить о культуре международных отношений, то образец на все времена.

...В тот черный день, когда в Петербурге хоронили Кобзаря, над его гробом выступали ораторы на трех языках — украинском, русском, польском. В дни столетия со дня его смерти, а затем стоявших десятилетия со дня рождения в Киеве состоялись всемирные конгрессы памяти Тараса Шевченко, и заседания проходили в здании Верховного Совета Украинской ССР. Советская страна доказала свое духовное родство с великими детьми советских народов. Шевченко в их числе.

Согласно точнейшему высказыванию В. И. Ленина по поводу запрета, наложенного царизмом на празднование столетия Кобзаря в 1914 году, «Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучше агитации и представить себя нельзя».

Все те, кто хотел запретить его, кто намеревался злоупотребить им, извратить его, ушли в забытье и бесславие. Он непобедим, как Великая социалистическая революция, один из предтеч которой был Шевченко; как великая наша культурная революция, которая тоже близка ему (многие поколения детей Украины учились грамоте по «Кобзарю») — он непобедим, потому что сросся с мечтой и судьбой на-

родов. Ему исполняется сто семьдесят лет, а ведь прожил он на свете всего сорок семь — удивительны законы бессмертия, спрavedливости и социальности. В этот юбилей они тоже сработали со всей неумолимостью правды. Сегодня мы снова приходим к бессмертному человеку, к Тарасу Григорьевичу Шевченко. Снова передумываем, припоминаем все, что знаем о нем, все, что наши дети должны будут о нем знать. Дети и внуки отпразднуют его двухсотлетие — будет это уже в следующем, третьем тысячелетии нашей эры.

НИКЕВ.